

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 37.013.43

О. Б. Акимова,
А. С. Франц

ВЕЛИКОДУШИЕ ПЕДАГОГА КАК ОСНОВА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОЖЕСТОЧЕНИЮ МОЛОДЕЖНЫХ НРАВОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема ужесточения молодежных нравов. Одной из причин ее существования авторы считают тенденцию примитивизации языка, преобладания в нем милитаристской лексики и лексики отчуждения, порождающих пренебрежительное отношение к окружающим. Преодолению агрессивности и жестокости должно способствовать, по их мнению, возвращение в сферу образования многих полузабытых нравственных ценностей. Цель статьи заключается в осмыслении способов обогащения воспитательных возможностей образовательных учреждений при помощи использования потенциала отечественной нравственной культуры.

Методологической основой исследования стал аксиологический принцип, обеспечивающий выявление гуманистической значимости употребляемой преподавателями лексики. Преимущество воспитательного потенциала гуманистической лексики по сравнению с лексикой аморальной продемонстрировано на примере сопоставления значимости слов «великодушие» и «толерантность». Авторы доказывают, что установка педагога на толерантное отношение к обучающимся деформирует как педагогическую теорию, так и образовательную практику. Понятие «великодушие», напротив, ориентирует и обучающихся, и педагогов на нравственное развитие личности.

Процесс облагораживания молодежных нравов мог бы осуществляться более эффективно при условии массового возвращения в педагогическую практику полузабытой или утраченной отечественной гуманистической лексики.

Ключевые слова: образовательная деятельность, бездуховность, агрессивность, воспитательное воздействие, отечественная культура, нравственные ценности, толерантность, великодушие.

Abstract. The paper analyzes the growing tendency for young people's hardening. According to the authors that phenomenon is caused by such current trends as

the language degradation, the militaristic and alienation vocabulary predominance resulting in disdainful attitude towards the surrounding people. As a pedagogic counteraction to such trends, the authors consider the revival of the forgotten domestic moral values in educational sphere. Their objective is to contemplate the necessity of enriching the educational institutions by means of the national moral and cultural potential.

The research methodology basis is defined as the axiology principle substantiating the humanistic importance of the specifics of teachers' vocabulary. To demonstrate the advantages of the humanistic vocabulary educational potential the authors compare the specifics of such notions as generosity and tolerance. They prove that the teacher's tolerant attitude to students deforms both the pedagogic theory and educational practice. In contrast, the generous attitude favors the student's, as well as teacher's moral development.

The process of the youth refinement can be facilitated by the large-scale revival of half-forgotten national humanistic values and the vocabulary reflecting such values.

Index terms: educational activities, lack of spirituality, aggression, nurturing, national culture, moral values, tolerance, generosity.

В практике образовательной деятельности участились факты остро агрессивного отношения части обучающихся друг к другу, к педагогам, родителям, родственникам. Агрессивность выражается либо в употреблении ненормативной лексики, в том числе в ходе учебных занятий, либо в откровенном глумлении над окружающими. В 2010 / 11 уч. г. почти каждая новая группа слушателей факультета повышения педагогической и психологической квалификации работников образования РГППУ инициативно предлагала для педагогического осмысления именно эту проблему. Особое преломление, как показывают такие обсуждения, проблема имеет в образовательной деятельности педагогов среднего общего и профессионального образования, работающих с подростками.

Невозможно не испытывать шок от поступка трех не усвоивших представления о нравственности подростков мужского хорового лицея г. Екатеринбурга, которые в январе 2011 г. не только организовали глумление над своей учительницей, но и зафиксировали все этапы унижения педагога на видеопленку. Совершив немыслимое преступление, ученики в довершение своего садистского удовольствия поместили отснятый сюжет в Интернете. Естественно, посягание на честь и достоинство любого человека – это не шалость, а преступление. Едва ли кто будет сомневаться в том, что каждый преступник за совершенное им преступление должен понести наказание. Инцидентом, действительно, заинтересовалась прокуратура. Но это уже рассмотрение проблемы в правовом поле. Нас же

интересует педагогический аспект преодоления нарастающего ожесточения некоторой части молодежи.

Более невозможно замалчивать то обстоятельство, что часть родившихся и выросших в последнее десятилетие юных россиян в качестве нормы своего поведения воспринимают аморальные представления о взаимодействии людей. Опасность состоит не только в том, что в условиях низкой правовой культуры такие представления могут приводить к совершению правонарушений и преступлений. Главная опасность кроется в разрушении посредством подобных взаимоотношений и самой аморальной личности, и общества.

Цель данной статьи не в том, чтобы в очередной раз сокрушаться по поводу кризиса нравственности в современной России и по поводу невозможности в таких условиях осуществлять нравственное воспитание обучающихся, а в том, чтобы обратить внимание педагогов на воспитательные возможности использования потенциала отечественной нравственной культуры. Вопрос не нуждался бы в обсуждении и дальнейшей теоретической разработке, если бы многие ценности этой культуры не оказались в течение последнего столетия либо забытыми, либо усеченными, либо деформированными.

Одна из современных педагогических проблем заключается в том, что многие нравственные ценности, сложившиеся в российском высшем образовании в XIX в., полузабыты современными педагогами – они перестали отражаться как в лексике, так и в практике взаимодействия с обучающимися. Опыт показывает, что если забывается или искажается какое-либо лексическое понятие, то постепенно начинает исчезать из социальной практики и обозначаемое им явление. Так, в течение XX в. сначала деформировалось, а затем и почти совсем исчезло из лексического поля слово *великодушие*.

В советских словарях такое понятие либо отсутствует, либо имеет малопривлекательный оттенок. Например, его нет в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Его авторы приводят лишь понятие *великодушный*, обозначающее обладание «высокими душевными качествами», готовность «бескорыстно жертвовать своими интересами для других» [5, с. 72]. В том же словаре приведено разговорное слово «*великодушничать*», интерпретируемое как «быть неуместно великодушным». Понятие, как видим, в советской лексике существенно сокращено – в его сохранении авторами отмечены только такие семантические свойства, как

бескорыстие и жертвенность ради других, но и они рассматриваются как далеко не всегда уместные. В «Словаре по этике» понятие *великодушные* еще более деформировано, оно толкуется как «такая форма проявления человечности в повседневных взаимоотношениях людей, при которой гуманность превосходит меру общепринятых норм и проявляется по отношению к тому, кто ее не вполне заслуживает» [6, с. 38].

Современные педагоги не считают рассматриваемое слово употребляемым, а его смысл в лучшем случае интерпретируют как оказание помощи обучающимся. Процесс деформации и забвения понятия *великодушные* в отечественной культуре вообще и в педагогической теории и практике в частности, как отмечено выше, совпал с нарастанием бездуховности и агрессивности детей и молодежи. Подтекст содержания этого понятия явно указывает на его неуместность, ибо в современном повседневном общении наших соотечественников нередко встречается, а иногда и преобладает милитаристская, аморальная и даже ненормативная лексика. В тональности речи достаточно часто звучит императив. Подобные проявления не могут не противоречить зарождению и развитию великодушия у детей и подростков.

В последние десятилетия, когда агрессивность и бездуховность некоторой части российского общества начинают угрожать национальной безопасности, обострилась потребность в гуманизации общественных отношений, которая не может быть реализована вне словесного обозначения явлений, противодействующих враждебности и аморализму. В настоящее время в родном языке обнаруживается нехватка слов, способствующих налаживанию взаимодействия, сотрудничества и выражающих заинтересованное, доброжелательное, оберегающее отношение собеседников друг к другу.

Как всегда, в затруднительных ситуациях россияне склонны не столько искать выход из критического состояния в устранении деформации отечественной культуры, сколько «учиться у Запада». Так, в последнее десятилетие в российскую лексику стало внедряться общепринятое в прагматическом деловом общении европейцев понятие *толерантность*. Расширение и обогащение лексического запаса родного языка за счет иностранных заимствований отвергать невозможно, ибо процесс глобализации предполагает пополнение этнических культурных ценностей международными терминами. Но главным условием привнесения в родной язык новых понятий хотелось бы видеть обогащение и гуманизацию отечественной культуры, и педагогической культуры в частности.

Проанализируем, насколько отвечает этим потребностям слово *толерантность*. Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) в европейской цивилизации обозначает уважение человеком прав другого, не похожего на него. С позиций европейского политического принципа либерализма толерантные взаимоотношения между педагогами и обучающимися некоторое время считались наиболее приемлемой нормой. Но в последнее время в Европе принцип толерантности все более подвергается сомнению (Ж. Бодрийяр, А. Меркель и др.), ибо толерантное отношение европейцев к поведению эмигрантов начинает угрожать европейской безопасности.

Серьезная этико-культурологическая проблема правомерности установления толерантных взаимоотношений между обучающими и обучающимися назрела и в отечественной педагогике. Естественно, в современной России отношения толерантности более приемлемы по сравнению с отношениями агрессивности, борьбы, внедренными в сознание многих советских людей (борьба за чистоту, борьба за урожай, борьба с собой и пр.). Но обогащает ли явление толерантности российскую культуру вообще и педагогическое общение в частности?

Российская психологическая наука раскрывает понятие *толерантность* как «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию» [2, с. 357]. В соответствии с этим определением наши сограждане являются друг для друга не более чем «неблагоприятными факторами». Толерантное взаимодействие между ними может быть понято как «снижение чувствительности» по отношению друг к другу. Представить педагога и учеников в таких условиях противоестественно, это противоречит традициям отечественной гуманистической педагогики. Получается, что понятие *толерантность* не только не обогащает педагогическую теорию и практику, но даже деформирует их, и его введение в процесс педагогического взаимодействия вряд ли уменьшит проявления агрессивности.

Более тридцати лет назад академик Д. С. Лихачев отметил острую необходимость «обнаружения старых культурных ценностей» [3, с. 353]. Обращение к ним, по мнению ученого, «обогащало современность» и «брало из прошлого нужное для движения вперед» [4, с. 81]. Не менее острой остается потребность обращения к прошлому и сейчас. Педагоги могли бы значительно эффективнее оказывать молодежи помощь в вопросе облагораживания нравов при возвращении в педагогическую лексику и сознание всех участников образовательного процесса понятия *великодушие*.

Что может внести обозначаемое им явление в морально-психологические установки молодежи и современные нравственные отношения? Камертон русского языка В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» обозначает *великодушие* как «свойство переносить кротко все превратности жизни, прощать все обиды, всегда доброжелательствовать и творить добро» [1, с. 178]. Великодушию В. И. Даль противопоставляет *малодушие*, под которым понимает «отсутствие твердости, стойкости духа». «Малодушие, – по его словам, – сказывается отчаянием, упадком духа» [1, с. 295].

Великодушие является одним из базовых понятий православной культуры, которую нельзя противопоставлять светской отечественной культуре, сформировавшейся на основе православной нравственности. Различия между ними заключаются лишь в определении преимуществ нравственного поведения по сравнению с аморальным и в способе передачи человеку нравственных ценностей. Ценности православной культуры принимаются верующими ради спасения души и поддерживаются ссылкой на догматы религии. Представителем светской отечественной нравственной культуры те же ценности, только подкрепленные научными доказательствами, усваиваются ради облагораживания личности, ради гуманизации общества.

В светской отечественной культуре (Н. М. Карамзин, К. Д. Кавелин, Ф. И. Тютчев, Л. Н. Толстой и др.) слово *великодушие* употреблялось постоянно. Человечество уже успело убедиться в том, что творческие российские люди всегда великодушны. У них нет стремления получать удовольствие от выискивания недостатков у окружающих или манипулирования ими. Они не в состоянии оскорблять окружающих. Невозможно не сослаться в этом контексте на цензорскую деятельность Ф. И. Тютчева, который «разрешал гораздо более, чем обыкновенный чиновник министерства» [8, с. 359]. Немногим от пылкого романтического Ф. И. Тютчева отличался в понимании этого вопроса мудрый рассудительный Л. Н. Толстой. В письме к сыну Илье он предельно четко сформулировал глубокий этико-культурологический смысл понятия *великодушие*, сформулировал принципы *великодушия* в отношении к окружающим. «Чтобы быть в состоянии любить людей, – пишет он, – и быть любимым ими, надо приучать себя... делать полезное людям... надо выучиться... искусству всегда так общаться с ними, чтобы не огорчать никого, а в случае невозможности не оскорбить никого уметь выбирать наименьшее огорчение» [7, с. 216–217].

Великодушие как нравственное качество личности обнаруживается в виде проявления любви и уважения к человеку. За тысячелетие развития православной основы российской нравственной культуры в ней сложились одобряемые обществом и демонстрируемые многими людьми способы проявления великодушия. Самое главное заключается в том, что *великодушие* характерно для российского стиля взаимоотношений людей. Великодушие к другому означает не отстраненность, которую предполагает проявление толерантности, а готовность поддерживать, помогать сохранить морально-психологические установки.

Создатель теории установки Д. Н. Узнадзе отождествил установку со специфическим состоянием человека, «готовностью к определенной активности» [9, с. 232]. Морально-психологические установки обеспечивают устойчивый, последовательный, целенаправленный характер нравственного поведения. В современном российском обществе поддержание нравственного поведения совершенно необходимо, ибо у большинства русских людей эмоциональное начало доминирует над рациональным.

Православная традиция приучала людей не выращивать в себе гордыню, т. е. не фиксировать в сознании свои лучшие качества, а быть уверенным в их недостаточности и иметь стремление к их совершенствованию. Однако такая уверенность иногда превращается в самоуничижение. Вместе с тем современная стихийная идеология рынка формирует противоположные качества – самоуверенность, ослабление стимула к самосовершенствованию. Создание в обществе здорового нравственного климата поможет сбалансировать эти две тенденции.

Оберегающее отношение к человеку выражается также в морально-психологической поддержке – *великодушие* окружающих, которые верят в возможности личности другого, не допускают его предвзятой негативной оценки, не упрекают, не используют оскорбления, помогают многим молодым людям действительно обнаруживать свои лучшие качества.

Великодушие предполагает сохранение чести и достоинства другого, обязывает не ставить человека в неловкое положение напоминанием о не очень нравственных поступках в надежде, что он сам их осознает и правильно оценит. Великодушное отношение проявляется в распределении ответственности за нарушения нравственных ценностей. В сложных житейских ситуациях великодушный человек предпочитает скорее требовать от себя, чем обвинять в непредвиденных негативных последствиях каких-либо действий другого человека. Великодушное отношение проявляется и в умении прощать проступки.

У великодушных людей, как правило, нет потребности испытывать зависть, ненависть, подозрительность, предвзятость, раздражительность, возмущаться чем-то или кем-то вместо того, чтобы вносить свой деятельностный вклад в позитивное изменение ситуации. Такие люди стремятся оказать помощь нуждающемуся в ней, не ожидая его просьбы.

Хотя элементы великодушного поведения характерны для многих педагогов, понятие *великодушные* не является употребительным в их лексике. Нет сомнения в том, что настало время его реабилитации, ибо трудно найти в потенциале отечественной нравственной культуры какое-либо другое понятие, которое так глубоко формулировало бы способность в случае необходимости «выбрать наименьшее огорчение». Психологический закон подражания и социального заражения позволит многим обучающимся усвоить навыки великодушного стиля взаимоотношений на примере поведения педагогов. Именно *великодушные* как определяющее нравственное качество личности педагога способно помочь ему наиболее гуманно и эффективно формировать духовно-нравственную личность ученика.

Педагогический потенциал великодушного отношения в отечественной педагогической практике в разной степени существует всегда. Прежде всего, он заключается в стремлении к организации сотрудничества на основе уважения, оберегающего отношения к психическому и физическому здоровью обучающихся, поиску способов максимально эффективного использования образовательного пространства и времени для освоения учебного плана. Великодушные мотивирует педагога помочь ученикам освоить навыки культурного поведения. Особенно важны эти проявления в случаях неэффективного осуществления какого-либо из элементов образовательного процесса. Великодушный педагог объясняет неудачи не особенностями современных обучающихся (в чем-то не похожих на прежних), а недостатком собственной предусмотрительности, которая могла бы помочь ему найти более эффективную мотивацию обучения для современных учеников и более эффективные пути освоения ими знаний и умений.

Великодушные позволяет педагогу не просто абстрактно призывать к постижению профессиональных и культурных ценностей, а помогать конкретному их проявлению в каждом обучающемся. Восхищение позитивными индивидуальными особенностями неизбежно усиливает их проявление не только у тех, кто ими уже в какой-то мере обладает, но и у всех остальных. Восхищение каким-либо из позитивных качеств ак-

центрирует внимание к нему, помогает осознать его ценность и значимость, ориентирует самого педагога более целенаправленно проявлять это качество, продолжать процесс собственного самосовершенствования, и наконец, вызывает положительные эмоции, поддерживающие психическое и физическое здоровье всех участников образовательного процесса. Преподаватель, предстающий образцом проявления великодушия, помогает обучающимся осознать привлекательность и ценность этого качества, тем самым способствуя его формированию.

В целях обогащения личностей участников образовательного процесса целесообразно возвращение из небытия не только понятия *великодушие*, но и многих других полузабытых отечественных лексических нравственных ценностей, таких как *милосердие*, *благородство*, *честь*, *достоинство*, *нравственный долг человека*.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Диамант, 1996. Т. 2.
2. Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985.
3. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
4. Лихачев Д. С. Раздумья. М.: Детиздат, 1983.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003.
6. Словарь по этике. М.: Политиздат, 1981.
7. Толстой И. А. Мои воспоминания. М.: Правда, 1987.
8. Тютчев Ф. Ф. Федор Иванович Тютчев // Тютчев Ф. И. Стихи. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988.
9. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки // Психологические исследования. М.: Наука, 1966.